

Празднованіе „Курбана“.*)

(Картинка съ натуры изъ туземной жизни).

Праздникъ Курбанъ установленъ Магометомъ въ честь предполагаемаго жертвоприношенія Авраамомъ сына своего не Исаака, какъ въ библіи, а Измаила. Празднуется Курбанъ черезъ 70 дней послѣ „Рамазана“ и состоитъ въ томъ, что каждый изъ мусульманъ, имѣющій свободныхъ не менѣе 100 рублей, долженъ закласть съ молитвой барана или козла, (богатый нѣсколько животныхъ) мясо котораго съѣдается по преимуществу бѣдными гостями, а голова, ножки и шкура отдается „суппы“ (священному лицу при мечети). По вѣрованію мусульманъ такая жертва на Страшномъ Судѣ облегчаетъ переходъ въ рай черезъ мостъ „Сратъ“, перекинутый надъ адской пропастью въ видѣ самага тончайшаго волоска.

Исходя же изъ того пункта, что кромѣ такихъ фактовъ, какъ жертвоприношеніе Авраама, въ библейской исторіи мусульманъ, почти тождественной съ христіанской, есть много еще другихъ эпизодовъ, болѣе застающихъ обращать на себя вниманіе, можно заключить, что жертвоприношеніе не играло здѣсь большой роли, а утвержденъ Курбанъ лишь по тому, что отъ Измаила произошелъ народъ арабы и чтобы почтить перваго родоначальника своего, Могометъ установилъ въ честь его праздникъ „жертвы“.

До Курбана остается нѣсколько дней. Весь мусульманскій міръ спѣшитъ приготовиться къ празднику.

*) Жертвы.

На базарахъ съ утра до поздняго вечера сутолка. Каждый старается купить обновки и все нужное для встрѣчи торжественнаго дня. Длинными вереницами выстроились „итукчи“ (сапожники) принесшіе на базаръ блестящіе лакированные ичиги „амриконъ“, галоши, сапоги съ высокими каблуками и вышивками. Ночи не спали старательные сапожники, чтобы заработать лишній грошъ къ празднику. Повсюду снуютъ закутанная въ „паранджи“ сартянки, предлагая свои домашнія издѣлія—вышитые пояса, тюбейки, шапки. Вѣдь, и имъ хочется справить что-нибудь по части обновъ, а то зазорно будетъ показаться на глаза насмѣшницъ подругъ Бойко идетъ торговля. Несетъ сартъ и киргизъ лишнюю копейку, добытую подчасъ упорнымъ трудомъ и лишениями въ обыденной жизни, но не желѣетъ онъ ее для праздника. А вотъ и базаръ будущей жертвы—„кой базаръ“. (**). Тысячами смиренно стоятъ бараны, связанные для простоты осмотра—голова къ головѣ и совершенно не помышляютъ о близкой своей роковой участи. Къ черному отъ загара киргизу подходитъ высокій представительный сартъ въ бѣлоснѣжной чалмѣ и выбираетъ барана. Начинается торгъ. Упрямо не соглашается отдать барана хозяинъ за неподходящую цѣну, несмотря на убѣдительные доводы лисы—сарта. „Вѣдь, ты мусульманинъ“, говоритъ сартъ. «Слава Богу, точно, вѣдь, такъ».—«Что-же ты не отдаешь мнѣ барана, котораго я приношу въ жертву Богу, согласно заповѣданному Магометомъ. „Джокъ“, (нѣтъ) лаконически отвѣчаетъ опытный киргизъ. Кругомъ оживленіе, разговоры, остроумныя, тяжелыя словечки, рѣзкое пѣніе дервишей, плаксивые выкрики

(**) Базаръ, гдѣ продаются бараны.

нищихъ, скромный шепотъ сартянокъ, веселый смѣхъ дѣтвора. Чувствуется приближеніе праздника.

Праздничное раннее утро. Солнце, на радость мусульманъ, ярко разсыпаетъ во всѣ уголки грязныхъ закоулковъ стараго города свои живительные лучи и тѣмъ еще болѣе усиливаетъ праздничное настроеніе сарта.

Вотъ съ высокаго „гумбаза“ (минарета) „Баляндъ-мачить“ слышался чистый высокій голосъ „муэззина“ „аллаху акбаръ“, за нимъ другой и въ мгновеніе изъ всѣхъ мечетей громаднаго Ташкента прозвучалъ призывной кличъ священнослужителей. Встрепенулись мусульмане. Безконечнымъ гуськомъ чинно шествуютъ они въ мечети цѣломудренно сложивъ руки и потупивъ глаза. Всѣ разряжены въ лучшія одежды—суконные, шерстяные, и шелковые разноцвѣтные халаты, въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, надѣтыхъ на гладко выбритыя головы. У многихъ въ рукахъ „джой намазъ“—коврики для подстилки во время молитвы. Безъ разговоровъ входятъ они въ мечети и только иногда слышатся вздохи: „тоба кылдымъ“, (сокрушаюсь) е худо! (о, Боже!) Мечеть полнымъ полна модельщиками. На обширномъ дворѣ мечети разстилаются „джой-намазъ“, снимаются галоши и правоярный готовъ къ предстоящему „намазу“ (***)). Всюду пробираются нищіе, которымъ каждый изъ мусульманъ обязательно подастъ что-нибудь. Начинается молебствіе. Какъ по командѣ, стройно, въ одно время вся многотысячная толпа кланяется, становится на колѣни, поднимаетъ руки, шепчетъ молитвы. Зорко слѣдятъ малоопытная въ „намазъ“ молодежь за движеніями стар

шихъ, чтобы не нарушить строгій порядокъ богослуженія.

Конченъ „намазъ“. Настроеніе сразу мѣняется.

Живо выбѣгаютъ правоярные изъ мечети на улицу, гдѣ уже дѣтвора, не дожидаясь окончанія молигвы, предаются праздничному веселью. Какъ только что вылетѣвшій изъ улья рой молодыхъ пчелъ—шумить, смѣется, бѣгаетъ вся эта разноцвѣтная толпа дѣтей. Слышится несмолкаемый пискъ дудочекъ, крики мальчиковъ—продавщиковъ сластей „чайнамаши“! (безъ конца жевать!) игры въ орѣхи, веселый говоръ, толкотня. Вездѣ царитъ праздничное настроеніе! Толпы разряженныхъ сартянокъ застѣнчиво жмутся къ сторонамъ. „Байвэчи“ (молодежь, щеголи) весело перебрасываются шутками и толпами осаждаютъ конку, чтобы поѣхать повеселиться въ русскомъ городѣ. Чайханы переполнены. Мальчики не успѣваютъ разносить чай. Громкіе разговоры, шутки, звонкій смѣхъ не смолкаетъ. Праздничное оживленіе принимаетъ все сильнѣе и сильнѣе веселый характеръ. Веселятся ради праздника всѣ, не исключая бѣднаго и богатаго, простаго и знатнаго. Всѣ одинаково рады празднику.

Въ болшой хорошо убранной коврами „мехмонханъ“ (гостиной) Азибая начался пріемъ гостей—визитеровъ. По срединѣ комнаты на коврахъ разослана громадная скатерть, сплошь уставленная сластями, печеными какъ русскими, такъ и туземными. Принимаютъ гостей сыновья хозяина. Входятъ трое сосѣдей Азибая: „ассалау маалейкумъ“! привѣтствуютъ они хозяевъ и поздравляютъ ихъ съ праздникомъ. Хозяева благодарятъ и усаживаютъ гостей. Старшій изъ гостей, молитвенно сложивъ руки, начинаетъ читать молитву

*** Молитвѣ.

„патаха“, (***) послѣ которой хозяева предлагают гостямъ чай и „достарханъ“ (угощеніе). „Слава Богу“, говоритъ одинъ изъ гостей: „Онъ далъ намъ сегодня хорошій день“. „Да хвала Богу“ отвѣчаютъ хозяева. Посидѣвъ еще для этикета минутку, гости торопливо прощаются и отправляются визитировать дальше. Вѣдь, имъ нужно побывать чуть-ли не во всемъ громадномъ Ташкентѣ.

Безконечный рядъ разряженныхъ сартовъ тихо шествуетъ къ Исламбаю. Это приглашенные на „курбанликъ“ (пища изъ мяса принесеннаго въ жертву барана). Впереди идетъ солидный полный сартъ и поминутно вытираетъ ситцевымъ платкомъ вспотѣвшее красное лицо. Это будетъ шестой „курбанликъ“, который онъ посѣщаетъ сегодня. Медленно, тяжело переваливаясь шагаетъ сартъ отъ черемърныхъ уничтоженій мяса „жертвы“, но все еще жалко ему отказаться отъ дарового угощенія и, продолжая утирать лицо, громко икаетъ онъ, приговаривая „худога шу куръ!“ (слава Богу).

На женской половинѣ Саламатхона собралось до 20 женщинъ-гостей. Всѣ разфранчены, хоть сейчасъ на балъ. Быстрый говоръ, смѣхъ, шутки. Особенно мѣтко острить юркая старуха Тоджихонъ, отъ плоскихъ шутокъ которой сартянки буквально захлебываются отъ смѣха. Услужливая хозяйка усердно угощаетъ своихъ гостей чаемъ и сладостями. За дверями слышится топотъ и смѣхъ. „Можно войти?“ заговорилъ кто-то пріятнымъ сопрано. „А Зиббахонъ!“ въ одинъ

(***) У сартовъ существуетъ обычай «патахаликъ», по которому, въ каждомъ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, визигеръ долженъ на праздникахъ прочитать заупокойную молитву „патаха“. Иногда „патаха“ затягивается на нѣсколько дней

голосъ вскричали сартянки и вскочивъ съ мѣста стремительно бросились на встрѣчу входившей. То была дѣвушка лѣтъ 16 высокая, стройная, по выраженію сартянокъ, какъ ташкентскій тополь. Бѣлое круглое личико, съ правильными, тонкими чертами, было очень красиво. Жгучіе, какъ „у испуганной газели“, глаза оживленно сверкали изъ подъ черныхъ дугообразныхъ бровей. Весело смѣялась входившая, показывая бѣлые, какъ морская пѣна, блестящіе зубки. Красавица Зиббахона слыла общей любимицей—„бачей“ (***) у цѣлой части. Ее осыпали вопросами, но хозяйка отвоевала ее у гостей и усадила за чай. На сцену явилась опять юркая старуха Тоджихонъ съ „сетаромъ“ (****) въ рукѣ. Зиббахона начали упрашивать потанцевать. Послѣ обычнаго кокетства дѣвушка сбросила съ себя тяжелый шерстяной камзолъ, оставаясь въ шелковой длинной до пятъ рубахи, поверхъ которой была бархатная безрукавка, красиво обхватывающая ея граціозный станъ. Подъ звуки „сетара“ и аккомпаниментъ хлопанья въ ладоши зрительницъ стройно понеслась Зиббахонъ, изящно извиваясь гибкимъ станомъ. Жадно слѣдятъ женщины за плавными движеніями танцовщицы, вспоминая былую молодость, и дѣвичество, а темпъ все болѣе и болѣе учащается, заставляя Зиббахона кружиться все быстрѣе и быстрѣе, вызывая тѣмъ общій восторгъ зрительницъ. Только хозяйка Саламатхонъ стоитъ вся блѣдная, устремивъ на дверь глубокіе черные глаза, сверкающіе бѣшенною ревностью: тамъ мужъ ея черезъ щель любуется „звѣз-

(****) У сартянокъ тоже существуютъ „бачи“ роль которыхъ заключается въ увеселеніи женщинъ пляской и пѣснями.

(*****) Трехструнной гитарой.

дочкой красоты“...

А здѣсь робко сбилась въ кучку толпа дѣвушекъ невѣсть. Онѣ отправляются поздравить свою подругу съ недавнимъ бракомъ. Застѣнчиво, потупивъ глазки принимаетъ поздравленія молодица и только лишь при нескромныхъ вопросахъ нестыдяющихся подругъ, заревомъ вспыхиваютъ ея блѣдныя щеки.

Веселится правовѣрный людъ! Биткомъ набиты кабаки, пивныя и другія злачныя мѣста, откуда слышится тяжелая брань, пьяные крики и естественно—веселый смѣхъ. Много пьяныхъ на улицѣ. Много дастъ предстоящая ночь пьяныхъ жертвъ... Гуляетъ сарты!..

Но вотъ ночь спускается на землю и темнымъ покровомъ своимъ окутываетъ правовѣрный міръ. Затихаютъ сутолка, шумъ; усталые отъ безконечныхъ „патахаликовъ“, „курбаликовъ“ и „ичкибозлика“ (выпивки) ложится на покой измученный сарты. Наступаетъ мертвая тишина. Порой только запоздалый гуляка изъ русскаго города еле бредетъ пошатываясь, и розыскивая въ темномъ лабиринтѣ закоулковъ свой домъ, бормочетъ веселую пѣсню.

Пронесемъ мысленно надъ безконечно широкими снѣжными равнинами Туркестана и заглянемъ въ маленькій кишлакъ Чалдоваръ, ⁽¹⁾ гдѣ всего до 50 сартовскихъ дворовъ. Морозный зимній день. Лучи солнца, миллионами искръ отражаясь отъ блестящаго моря бѣлой пелены, нестерпимо рѣжутъ глаза. До полудня кончили сарты визиты. Дѣлать нечего, двѣ грязныхъ скучныхъ чайханы не привлекаютъ ихъ вниманія. Веселая молодежь въ поискахъ за развлечениями ушла въ село, гдѣ найдетъ водку и погуляетъ на славу. Остав-

шіеся сарты осѣдлали такихъ-же, какъ ни сами, упитанныхъ лошадей, и выѣхали на громадную площадь, раскинувшуюся далеко къ бѣлѣющимъ горамъ. Каримбекъ привезъ зарѣзаннаго козла и бросивъ на землю, закричалъ: „тахсирляръ! (господа) козла далеко не увозить и киргизъ къ игръ не допускать“. Живо схватились всадники за козла, вырывая его другъ у друга, и, объѣхавъ кругъ, бросали на прежнее мѣсто. Долго продолжался „улякъ“ (козлодраніе). Но вотъ стали показываться киргизы. „Эй не подходить!“ кричали сарты. „Намъ и ненужно, еще стали бы мы съ бабами играть“, мѣтко смѣялись киргизы. „Покажемъ мы вамъ бабы!“ вскричалъ задѣтый за живое молодой сарты и бросилъ козла около киргизъ. Мигомъ схватили киргизы козла и понеслись. Сарты за ними. Долго продолжалась бѣшенная скачка. Много попадало всадниковъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ побѣда клонилась то на ту, то на другую сторону. Только одинъ молодой статный киргизъ на красивой лошади не принималъ никакого участія. Вдругъ встrepенулся онъ, привсталъ на лошади, пронзительно гикнулъ и какъ коршунъ налетѣлъ на толпу, въ мгновеніе выхватилъ изъ оторопѣлыхъ рукъ сартовъ козла, и какъ молнія помчался, оглашая громкимъ крикомъ морозный воздухъ. Пока сарты и киргизы погнались за нимъ, ловкій джигитъ скрылся изъ глазъ. „Опять Ибраимбекъ, шайтанъ, утащилъ козла“, говорили разочарованные сарты и потянулись на измученныхъ лошадяхъ, проклиная Ибраимбека лишившаго ихъ удовольствія, добъ дать зарѣзаннаго утромъ барана.

Морозная зимняя ночь съ частыми звѣздами скоро успокоила чалдаварцевъ. Лишь едва замѣтно мерцаегь

(1) Правильно „чордиворъ“ — развалины.

огонекъ изъ задней комнаты неприхотливой чайханы. Тамъ за маленькой чадящей лампочкой сидятъ на вытертой кошмѣ человѣкъ двадцать „кумарпозовъ“ (игроковъ) въ кости. У двери, въ охраняющей позѣ, стоитъ „чотуличи“⁽²⁾, высокаго роста здоровенный сартъ съ неприятно—бѣгающими глазами. Онъ зорко слѣдитъ за движеніями игроковъ, предугадывая выигрышъ и перемигивается съ похотливомъ на него, извѣстнымъ шулеромъ Кошкулакомъ, стройнымъ и сильнымъ, съ плутовскими глазами, молодымъ сартомъ. Игроки всецѣло поглощены костями. Нѣтъ обычныхъ „азартнаго свойства“ остротъ. Только и слышны сильные удары рукой въ обнаженную грудь при бросаніи костей и крики: „Дартъ камъ! (поменьше печали) Быръ! (одинъ разъ) е хазратъ!“ (о святой). Возгласы—„до барма?“ (есть ли ставка) висятъ въ воздухѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ глаза игроковъ за метаньемъ костей и радостно блестятъ они при выигрышѣ. Въ чистую проигрался Хасанъ. Послѣдній рубль ставитъ онъ. Бросилъ кости привычной рукой. Кошкулакъ, вскрикнувъ: „е, шайтанъ!“ (о дьяволѣ). Выигралъ Кошкулакъ. Злобно сверкнули глаза Хасана. Хлебнулъ онъ изъ „пьялы“ (чашки) изрядный глотокъ водки, снялъ съ себя новый праздничный суконный халатъ и молча подалъ „чотуличи“. Ни слова не сказавъ, подалъ ему „чотуличи“ восемь рублей. „Кайдымъ“ (ставлю) буркнулъ Хасанъ и бросилъ деньги на кошму, „Юрдымъ“

(2) Распорядитель азартныхъ игръ; онъ же рѣшаетъ возникшія недоразумѣнія между игроками и снабжаетъ обанкротившихся игроковъ деньгами подъ закладъ одежды, обуви и др. вещей. Обыкновенно „чотуличи“ не принимаетъ участія въ игрѣ, но беретъ съ каждой партіи извѣстный процентъ.

(пошелъ) отвѣтилъ Кошкулакъ и метнулъ кости. Снова проигралъ Хасанъ. Выйдя въ другую комнату, снялъ съ себя Хасанъ новые лакированные ичиги, изъ которыхъ выпалъ острый большой ножъ, заложилъ его въ рукавъ рубашки и, подавъ ичиги, „чотуличи“, получилъ пять рублей. Опять ставитъ Хасанъ. Весь трясется онъ, нервно сжимая ручку ножа.

Игроки бросили свои ставки и слѣдятъ за нимъ. Быть кровавой развязкѣ...

За Чалдаваромъ въ безбрежной снѣжной степи, далеко простирающейся въ глубь, вплоть до высокихъ каменныхъ горъ, какъ черныя точки на бѣлоснѣжномъ фонѣ, виднѣются юрты киргизъ. И здѣсь тоже царитъ праздничное веселье! Толпами ходятъ молодая киргизки по юртамъ поздравляютъ своихъ сосѣдей, получая за то щедрое угощеніе.

Въ большой, бѣлой, новой юртѣ за „кульджитаемъ“⁽³⁾ изъ курбана, сидятъ хозяинъ бывший волостной и много почетныхъ гостей. Вспотѣвшія лица красны отъ изрядныхъ возліяній очищенной и даютъ знать о приподнятости настроеніи. Громкій разговоръ ведется на злобу дня—какъ Ибраимбекъ утащилъ козла у сартовъ. Хриплымъ басомъ, стараясь перекричать другихъ, кипитится одинъ изъ самыхъ почетныхъ гостей, грузный Худайбергенъ, имѣющій виды на дочь волостного. „Помни, болость“,⁽⁴⁾ говоритъ онъ: „Ибраимбекъ утащитъ твою Уметъ“ и косится на сидѣвшую въ сторонѣ дочь волостного—широколицую красавицу Уметъ.⁽⁵⁾ „Нѣтъ, какъ своихъ ушей не видать нищему Ибраимбеку

(3) Вареные сочни и мясо.

(4) Волостной.

(5) Надежда.

моей дочке“, кричит волостной. Краснѣетъ и блѣднѣетъ Уметъ и почти совсѣмъ пригнула она къ землѣ свою красивую головку. Насытились гости. Худайбергенъ беретъ полную горсть „кульджитая“ и протягиваетъ Уметъ. Такую же любезность подѣлываетъ и другой изъ гостей по отношенію къ женѣ волостного, сидѣвшей въ сторонѣ отъ веселой мужской компаніи. Начинается сытная икота,—гости сыты. „Болость“ велитъ убирать; несутъ чай. „Завтра, дорогие гости“, говоритъ волостной: „я устрою соколиную охоту, а на слѣдующій день будетъ „пайга“, (скачка) первый призъ 1000 рублей.

„Рахметъ, рахметъ!“ (благодарствуемъ) вскричали обрадованные гости. Угощеніе кончено. „Гдѣ Исметъ думбрачи?“ (муыкантъ) спрашиваетъ волостной.

— Съ утра пьянъ, отвѣчаютъ слуги.—А пѣсенникъ Иманкулъ? Пьянъ.—А веселый Джамонбэй?—Тоже пьянъ.—Ибраимбекъ!—Здѣсь. Входитъ Ибраимбекъ, утащившій сегодня козла у сартовъ, высокаго роста, стройный красивый мужчина, извѣстный охотникъ, наѣздникъ и пѣсенникъ на всю волость.

Не одна аульная красавица тайно проливала слезы отъ безотвѣтной любви своей къ Ибраимбеку. Одна бѣда—голь Ибраимбекъ по выраженію киргизъ, какъ верблюды весною и служить онъ въ работникахъ у волостного. „Готово ли все для „купкара“? (козлодранія) спрашиваетъ волостной.

„Да, господинъ“, отвѣтилъ Ибраимбекъ.

Гости и присутствующая толпа садятся на лошадей. Изъ юрты высыпаютъ женщины и дѣвушки посмотреть на интересное зрѣлище, а дѣти

особо уже таскаютъ козленка по снѣжному полю. Начинается „купкарь“.

Какъ онъ отличается отъ сартовскаго! Природные наѣздники киргизы совсѣмъ не жалѣютъ себя и лошадей и оказываютъ чудеса ловкости и отваги.

Вотъ Ибраимбекъ на статномъ скакунѣ волостного врывается въ толпу, выхватываетъ козла и скачетъ. Его провожаютъ сотни глазъ аульчыхъ дѣвушекъ, въ числѣ которыхъ и стройная Уметъ. Она съ застенчивымъ интересомъ слѣдитъ за красивыми движеніями молодого джигита. Почти догоняетъ Ибраимбека. Свернуть некуда—вездѣ джигиты, а впереди глубокой трехсаженный каменный ровъ. Вдругъ Ибраимбекъ совершенно пригнулся къ шеи скакуна, какъ будто слившись съ нимъ, отпустилъ поводья и дико гикнулъ—благородный скакунъ, какъ птица, перелетѣлъ черезъ ровъ, и какъ стрѣла, помчался дальше. Толпа взвыла отъ восторга. Двое изъ джигитовъ, преслѣдующихъ Ибраимбека, не удержали лошадей предъ ровомъ и насмерть убились. Летитъ Ибраимбекъ къ толпѣ красавицъ; жутко бьются сердечки дѣвушекъ—кому окажется честь онъ? Вся дрожитъ блѣдная Уметъ. На всемъ скаку остановилъ Ибраимбекъ лошадь предъ Уметъ и бросилъ къ ея ногамъ трофей победы—козла. Вскинула проницательные глаза Уметъ и одарила джигита такимъ взглядомъ, что за другой такой онъ не пожалѣлъ бы и жизни... Завистливо посматривали подруги на Уметъ и насмѣшливо перешептывались. Грозно смотрѣлъ отецъ, а нагайка въ рукѣ Худайбергана замѣтно дрожала...

„Купкарь“ еще долго продолжался. Много еще попадало пьяныхъ джи-

гитовъ; нѣкоторые сложили свои буйныя киргизскія головушки. Затянулось и пированіе въ юртахъ, гдѣ

за бузой и водкой буйно проводили киргизы свой праздникъ.

Пили женщины и дѣвушки.

Только поздняя ночь успокоила гулявшихъ.

Полегли киргизы подъ теплыя шубы и одѣяла. Крепко спятъ они послѣ „купкара“ и пьяной бузы. Не слышно даже лая собакъ, набѣрихся сегодня вволю „курбаномъ“. Лишь одна тѣнь быстро мелькаетъ по степи—то Ибраимъекъ на управительскомъ скакунѣ мчитъ въ сею аулъ, ненаглядную Уметъ.

Гр. Андреевъ.

Недочеты въ межевомъ дѣлѣ Туркестанскаго края.

Межеваніе, какъ государственная мѣра, направленная къ упорядоченію земельныхъ отношеній путемъ разграниченія владѣній, еще изстари приобрѣло на Руси самостоятельное значеніе и, такъ или иначе, оцекалось законодательными сферами.

Не стались безъ вниманія законодательства и русскія окраины: межеваніе Сибири предусматривалось еще *пис овымъ наказомъ* 1628 года, а межевыя работы давно уже начатыя на Кавказѣ поражаютъ своей точностью и организованностью и поистинѣ могутъ служить образцомъ землемѣрной практики не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Со времени завоеванія Туркестана прошло уже три десятка лѣтъ, но межевое право до сихъ поръ не перешло его предѣловъ и не внесло

живительной струи распорядка въ тотъ хаосъ земельныхъ отношеній, что наблюдается во всѣхъ коренныхъ областяхъ края. Правда, мѣстныя областныя правленія, созданныя по типу губернскихъ правленій, имѣютъ при себѣ штаты межевыхъ техниковъ, но послѣдніе являются только грубымъ сколкомъ съ губернскихъ чертежныхъ, и дѣятельность ихъ, хотя и обставлена многими формальностями государственнаго межеванія, но въ концѣ концовъ, сводится къ простой съемкѣ земель, почему и не имѣетъ за собой никакой юридической силы.

Почти тоже можно сказать и про работы поземельно-податныхъ комиссій; онѣ производились специально для опредѣленія податныхъ силъ населенія, а потому, преслѣдуя исключительно фискальную цѣль, вносили только нѣкоторую опредѣленность въ поземельныя отношенія, выгоды отъ которой едва замѣчались самимъ населеніемъ. При этомъ принципы межевого права или совсѣмъ игнорировались или же примѣнялись только въ частности, по отношенію къ фактическому владѣнію, когда нужно было разграничить „мое“ и „твое“ въ смыслѣ противоположенія между государственнымъ и частнымъ достояніемъ. Защищались, такимъ образомъ, правительственные интересы, а о взаимныхъ интересахъ самихъ правительственныхъ контрагентовъ и ихъ мирномъ сожителствѣ почти недумалось. Что касается до земельныхъ интересовъ кочевого населенія, то таковыя были предоставлены исключительно въ вѣдѣніе уѣздной администраціи и утвержденіе границъ пользованія кочевниковъ совершенно не входило въ кругъ дѣятельности податныхъ комиссій.

Въ результатѣ такого положенія

сенаторской ревизіи, а дѣлопроизводствомъ съѣзда завѣдуютъ принадлежащіе также къ составу ревизіи члены съѣзда: старшій чиновникъ К. И. Савичъ и чиновники Ю. Я. Хейфицъ и князь Д. Л. Вяземскій.

Члены съѣзда туземцы:

По Сыр-дарьинской области.

Народные судьи: Арифъ Ходжа Мухамедъ Шарифъ-Ходжа-Ишановъ, Ибраимбекъ Юсуфъ Бекъ, Турсунъ-Ходжа Имамъ Али-Ходжа Ишановъ, Ашрифъ Ханъ Шарифъ Ходжаевъ. Умаръ Курозонъ, Гулямъ Мухамедъ-Расуль Ходжаевъ и частныя лица: Арифъ-Ходжа Азкъ Ходжиновъ, Сендъ-Гани Сендъ-Азимбаевъ, Сендъ-Каримъ Сендъ-Азимбаевъ, Ишанъ-Ходжа Махмутъ Ходжаевъ, Сендъ-Икрамъ-Ханъ Сендъ Гапихановъ, Пирмухамедъ Турсунъ Мухамедовъ, Алямъ Абдуль Касымовъ, Богадуръ ханъ, Сендъ Расуль Сендъ Азисовъ, Ширъ Куль Мухамедовъ, Сендъ Газы Сендъ-Ахматовъ, Бакиджанъ Дяда Джанбаевъ.

По Самаркандской области.

Народные судьи: Миръ-Низъ Магомедъ Хусейновъ, Иса Ходжа Шарифъ Ходжаевъ и Аллакуль-Ханъ Аткулихановъ. Мухамедъ Бака-Ходжа бин-н-Ходи Ходжа.

По Ферганекой области.

Народные судьи: Хасанъ-Ханъ Мансуръ-Ходжаевъ, Ходжа Джанъ Низметдинъ - Ходжаевъ, Тюркуль-Джанъ Бабіевъ и частныя лица: Хамужанъ - Магзумъ Мулла-Раниджановъ, Мухамедъ Шахиръ-Ахунъ Мулла Абдурахмановъ Ахунъ.

Картинки изъ сартовской жизни*).

Какъ шумъ и трескъ листьевъ сухого камыша въ сильную бурю, слышится въдалека говоръ большой толпы, собравшейся около калитки дома Касымбека.

Чѣмъ-то возбуждена толпа. Нервно, нетерпѣливо переговаривается она. Не слышать обычныхъ шутокъ, суролокъ, ругани, вздираниѣ—всѣ поглощены сжидаемъ чего-то интересно-выдающагося. Преобладаютъ старики; много женщинъ.

— Нельзя, нельзя!—сдерживая напоръ толпы, кричитъ здорovenный работникъ Касыма, загораживая проходъ въ калитку.

— Что такое? что за сборъ?—спрашиваютъ все новыя и новыя подходившія прохожіе.

— Да вотъ Касымова жена, что 14 лѣтъ не рожала, говорятъ, родила—да такого, что и смотрѣть страшно...—отвѣчаетъ словоохотливый сгорбленный старикъ, пробираясь въ сторону.

— «Даджала» (соотвѣтствуетъ нашему «антихристу») родилъ, — подхватываетъ молодой сартъ, проталкиваясь впередъ, — съ двумя головами и тремя рогами на лбу...

— Знать, за грѣхи наказалъ Богъ! — шепчутся промежь себя двѣ старухи. — Вѣдь сколько разъ говорили ей, чтобы безъ «пашворда» (покрывала) на улицу не выходила. Все не слушалась,—красивая, ну и хочется похвастаться красотой.

— Не безъ того, какъ сглазилъ ее не вѣрные,—тайвственно шепчетъ другая.

— Четырнадцать лѣтъ не рожала, а то вдругъ сразу и родила чудовище... Знать, дьяволъ всетаки переселилъ... Да и мать у ней такая была...

*. Фактъ этотъ произошелъ вездѣ до Дасъ; имя «Касымъ» вымышлено.

— Врешь, врешь! ты сама такая, — вышпиивается въ разговоръ четвертая старуха, родственница жены Касыма, — болтають все никакого антихриста нѣтъ, — все со зла ты городишь, лучше-бы за своей дочерью смотрѣла бы, она у тебя часто въ Ташкентъ ѣздитъ...

— Что? — что? кричить возбужденная старуха, цѣпляясь за халатъ защитницы касымовской жены.

Толпа на минуту отвлекается ссорой; молодежь подзадориваетъ старухъ, но постарше сейчас-же ихъ разнимають.

— Я тебѣ покажу!.. въ ротъ тебѣ гнилого шута!.. — визжитъ раскипятившаяся старуха. Но голоса скоро затихаютъ...

Толпа начинаетъ волноваться сильнее, громко кричатъ.

— Подавай антихриста! своими руками задушмъ!.. — слышны голоса изъ толпы.

— Пусте! пусти! — кричатъ нѣкоторые въ толпы работнику Касыма. — Не пустишь? брата, бери его!..

— Что за скандалъ? — грозно раздается голосъ.

— Казы, казы! (казій) гудитъ въ толпѣ. Свалка сейчас-же прекращается.

— Антихриста, господинъ, Касыма жева родила! — докладываютъ одни изъ толпы.

— Что? — переспрашиваетъ судья.

— Антихриста, антихриста! — наперерывъ кричатъ толпа и сразу бросается съ объясненіями.

Отъ гула и крика казіи зажимаетъ уши и бросается въ калитку.

Выходитъ Касымъ, маленькій, тщедушный сартъ, бояливо оглядываясь на собравшихся.

— А! отецъ антихриста! подавай свое дѣтще! — гремитъ толпа, протягивая десятки

рукъ къ сарту; онъ, весь съезжившись, жметъ къ двери.

— Самый обыкновенный ребенокъ сынъ родился, — говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ, — но только...

— Что только? говори! — стонетъ толпа. Касымъ затрудняется, мамлитъ, но, наконецъ, собравшись съ силами, сразу проясняетъ: — все какъ слѣдуетъ, но только задняго отверстія нѣтъ у него...

Толпа замерла и вдругъ сразу раздражается громовымъ смѣхомъ. — Ха! ха! ха! гудѣли волны смѣха: — четырнадцать лѣтъ старался на сына, а такъ и не додѣлалъ сполна...

Касымъ скрывается...

— А все вреть онъ! — говорятъ злая старуха: — сама, вѣдь, я видѣла у новорожденнаго двѣ головы и черную шерсть, какъ у козла!..

— Показать! показывать! — воцить толпа. — Пусть казы вынесетъ и покажетъ!..

Черезъ минуту въ дверяхъ появляется казіи съ подушкой на рукахъ, на которой сморщеннымъ комочкомъ лежитъ дитя. Его перевертываютъ и показываютъ толпѣ. Многіе дотрагиваются, ощупываютъ его и недоумѣвающе качаютъ головой.

— А, вѣдь, и правда, безъ щели! — говорятъ любопытные. — Вотъ чудеса!

— Ну, расходитесь теперь! — повелительно говоритъ казіи. Женщина отъ родовъ умираетъ, а они съ антихристомъ какимъ-со носятъ.

— Я думалъ, что на самомъ дѣлѣ антихристъ родился, а онъ только безъ... — слышатся разочарованные голоса въ расходившейся толпѣ...

Улица въ Новомъ Чинавѣ предъ аптекой фельдшера. Стоитъ Касымъ со старухой, держащей въ рукахъ что то завер-

нутое въ шелковое одѣяльце. Въ сторонкѣ нѣсколько почтенныхъ стариковъ.

Выходятъ фельдшеръ.

—Что нужно?—спрашиваетъ онъ.

— Да вотъ ребенка показать привезъ, говоритъ Касымъ, подзывая старуху.

Входятъ въ комнату. Старуха развязываетъ одѣяльце и показываетъ мальчика — онъ весь зеленый, животикъ страшно ввдулся; дитя громко кричитъ.

— Третій день, какъ не ходитъ, а грудь много сосетъ,—говоритъ Касымъ. Единственный сынъ... на весь Чиназъ смѣхъ...

Фельдшеръ внимательно осматриваетъ ребенка, долго молчитъ и наконецъ говоритъ:—въ Ташкентъ вези! операцію сдѣлать нужно.

— Да какъ же везти его, — плачетъ Касымъ—не доживетъ, вѣдь. Помоги, докторъ! что хочешь всеьми, а помоги!.. Фельдшеръ снова смотритъ, качаетъ головой,—одно—рѣзать нужно!—говоритъ онъ,—а выживетъ ли дитя Богъ знаетъ, а человекъ я маленькій,—ответственности на себя не беру.

Касымъ подходитъ къ старикамъ и долго возбужденно говоритъ. Наконецъ—старики подходятъ къ фельдшеру и говорятъ:—Рѣжь! мы отвѣчаемъ...

Фельдшеръ беретъ ланцетъ, ващупываетъ мѣсто для операціи, крестится, ващмуривается и колетъ... Брызжетъ зловонная зеленая жидкость вмѣстѣ съ кровью... Животикъ начинаетъ уменьшаться, дитя перестаетъ кричать...

— Ты самый первый «докторъ» на весь уѣздъ! говоритъ, плача, растроганный Касымъ, цѣлуя фельдшерскіе сапоги...

Ребенокъ сей часъ здоровъ и нормаленъ.

Гр. Андреевъ.

Нѣсколько мыслей по поводу работъ съѣзда о правовой жизни туземцевъ.

Многосложная, многообразная работа сенатора гр. Палена подходитъ къ концу. Достойнымъ финаломъ кропотливой и серьезной работы графа и его сотрудниковъ являются открывшіяся нынѣ въ Ташкентѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ сенатора, засѣданія представителей равныхъ вѣдомствъ и цѣлаго ряда ученыхъ туземцевъ, на которыхъ собирается матеріалъ, долженствующій всесторонне освѣтить сущность и характеръ правовыхъ нормъ, регулирующихъ современную жизнь многомилліонной туземной массы вашего Туркестана.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ трудовъ ревизіи работы съѣзда, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онѣ могутъ внести въ жизнь, должны почитаться самыми важными и принципиальными, и съ точки зрѣнія ближайшихъ практическихъ результатовъ. Вѣдь съѣздъ вплотную подошелъ къ одному изъ самыхъ серьезнѣйшихъ и сложныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только узко мѣстное значеніе, но глубоко затрагивающихъ все современное культурное человѣчество, въ передовые ряды котораго такъ неожиданно и такъ смѣло вступила недавно и самая главная заинтересованная сторона,—дремавшій столько вѣковъ міръ Ислама. Коротче говоря, передъ участниками съѣзда, собирающаго пока только матеріалъ, изъ груди этого сырого матеріала, изъ схоластическихъ подчасъ мелочей ислам-

Картинки Туркестана.

Веселье сартянокъ.

I.

Громадный роскошный садъ Абду-Саттара съ тѣнистыми кривыми аллеями столѣтнихъ яблонь, грушъ, съ прозрачнымъ, прохладнымъ «хаузомъ» (прудомъ), обсаженнымъ развѣсистымъ карагачемъ, ярко-зеленымъ полемъ клевера и саженымъ заборомъ кругомъ, полны женскимъ весельемъ—сегодня къ женѣ Саттара собралось много родственницъ и пріятельницъ. Всюду между деревьями яркими тѣнями мелькаютъ разноцвѣтныя шелковыя рубашки съ длинными рукавами; тонкія косы черными вѣрами развѣваются по вѣтру; звонъ монистъ и бряцканье нагрудныхъ и шейныхъ ожерелій, огненными змѣями обвивающихъ лиловыя шейки, сливаются съ мягкимъ журчаньемъ серебристаго смѣха въ одинъ сплошной гармоническій гулъ... Взрывъ шумнаго смѣха, громкое паденье, всплески воды и каскады вздымающихся изумрудныхъ брызгъ повисли надъ «хаузомъ»... Слышатся пронзительныя взвизги купающихся дѣвушекъ и женщинъ, возня ловившихъ другъ друга въ водѣ, бѣготня по берегу; смуглая, голыя, стройныя; полны нѣги и страсти тѣла въ разноцвѣтныхъ шароварахъ, точно цвѣтникъ еще нераспустившихся полевыхъ цвѣтовъ подъ томными ласками солнца, полны очароваьемъ молодости, силы, неизсушенной еще жизненной горечью...

Старухи, окруженныя свитою маленькихъ внучатъ—, медленно пробираются по саду и срываютъ алые персики ребятишкамъ, тщетно старающимся ихъ достать...

Но голодъ, неразлучный спутникъ веселья и движенья, и жгучія поцѣлуи полудневнаго солнца согнали веселящихся подъ крышу обширнаго навѣса, гдѣ уже гостепріимной хозяйкой разостланы «дастарханы» (скатерти, заваленныя грудами лепешекъ, сладостей, фруктовъ), а изъ низкой «ашъ-хоны» (кухни) доносится ароматъ готовящагося «палау»...

Послѣ сытнаго обѣда веселье приняло еще болѣе острый характеръ. Смѣхъ, шутки, пѣсни звуки «дутара»*) не пре-

*) Двухъ-струнная балалайка.

рываются. «Бача» — молодая дѣвушка съ бойкими глазками, на обязанности которой лежало заниманіе гостей пляской и пѣснями, въ конецъ вскружилась и утомленная, томная, не шевелясь прилегла на мягкомъ коврѣ... Гости также притомились.

Гдѣ Назокатъ? слышится вездѣ, — пусть что-нибудь расскажетъ!

Является Назокатъ — высокая старуха съ грубымъ мужескимъ голосомъ.

— Расскажите что-нибудь! пристають къ ней дѣвушки.

— Что вамъ рассказать? спрашиваетъ ихъ старуха.

— Расскажите про Юсупа и Зулайхо*)! кричатъ молодые гости.

— Охъ, уже эти дѣвицы! все бы имъ про любовь, да про красавцевъ, качаетъ головой старуха и принявъ чашку чая, удобнѣе усаживается и начинаетъ:

— Зулайхо была дочь яминскаго царя.

И было ей семь лѣтъ, когда увидѣла она во снѣ юношу райской красоты, влюбилась въ него и проснувшись уже никогда не могла забыть его. Заболѣла послѣ этого Зулайхо — днемъ не можетъ найти покоя, ночью сна нѣтъ... Встревожились родители ея и созвали со всѣхъ концовъ свѣта сно толкователей. Одинъ изъ такихъ толкователей сказалъ, что отыщеть Зулайхо своего возлюбленнаго въ «Мисрѣ» (Египтѣ). И просила Зулайхо своего отца, чтобы выдалъ онъ ее замужъ за египетскаго царя. Согласился царь. Сдѣлалась царицей Египта Зулайхо, но когда увидѣла царя — своего мужа, то чуть не умерла отъ горя — то не былъ видѣнный во снѣ отрокъ... Но вспомнила она толкованья, что найдетъ возлюбленнаго въ Египтѣ и покорилась... А Богъ вмѣсто нея каждую ночь клалъ на брачное ложе ея мужа одного духа въ образѣ Зулайхо, дабы сохранить ее для Юсупа. И вотъ когда Юсупа привели въ «Мисри», проданнаго братьями въ рабство и предложили царю купить его, увидѣла несчастнаго раба Зулайхо, и грудь ея чуть не разорвалась отъ радости, — то былъ тотъ прекрасный юноша, котораго она уже такъ страстно любила... Сто разъ на дню падала она безъ чувствъ и снова приходила въ себя... И затѣмъ купила она Юсупа, построила ему отдѣльный дворецъ, нашила ему царскихъ великолѣпныхъ одеждъ,

*) Юсупъ — Иосифъ. Зулайхо — жена Понтефрія, искушавшая Иосифа.

которая приказала перемѣнять на дню десять разъ... А сама Зулайхо была такъ красива, прекрасна, что дивныя пери кусали пальцы изумленья и зависти, видя ея красоту, но лучезарная прелесть Юсупа не знала описанья... Она затемняла дискъ полуденнаго лѣтняго солнца, когда Юсупъ поднималъ кончикъ покрывала съ своего лица... Его красота настолько зачаровывала людей, что они готовы были цѣлые годы простаивать и любоваться имъ, не замѣчая голода, сна...

И каждый день Зулайхо приставала къ Юсупу, предлагая ему свою любовь, но отказывался Юсупъ, говоря:

— За преданность и любовь царя ко мнѣ не могу заплатить ему черной измѣной...

Высохла какъ прошлогодняя трава Зулайхо, не находя средствъ покорить и соблазнить Юсупа.

И посоветовавшись съ одной опытной своей нянькой, приказала она построить дворецъ, и, пригласивъ туда Юсупа заперла дверь на ключъ. Видитъ Юсупъ, что всѣ стѣны заняты изображеніями обнаженной Зулайхо, обнимающей его, и со злобой отвертывается онъ въ другую сторону, а оттуда смотрятъ на него еще болѣе соблазнительныя изображенія. Тогда волей-неволей долженъ былъ посмотреть на Зулайхо Юсупъ, (а раньше онъ никогда не глядѣлъ на нее). А Зулайхо поднялась съ мѣста, вся дрожитъ, глаза огнемъ горятъ, грудь обнаружена, протягиваетъ ему на плечи руки и шепчетъ: «возьми, возьми меня—я твоя»..!

Но оттолкнулъ ее Юсупъ отъ себя и кинулся къ дверямъ, но сколько не стучался въ нихъ, отворить не могъ...

А Зулайхо снова около него, обнимаетъ Юсупа, шепчетъ ласковыя слова... И не въ силахъ былъ Юсупъ оттолкнуть неземную прелесть красавицы, страстно прильнулъ къ ея груди... Счастливая Зулайхо легкой птичкой выпорхнула изъ объятій Юсупа и, подбѣжавъ къ стоящему здѣсь идолу, накинула на него полотнище и снова стремительно ринулась въ объятія воспламенившагося Юсупа... Но оттолкнулъ ее отъ себя Юсупъ, собравъ всѣ свои силы, говоря; «Ты стыдишься, однако, грѣха предъ лицомъ идола-истукана, неужели я не убоюсь позорнаго дѣянья предъ лицомъ Творца всего—единого Бога» и ринулся къ дверямъ.

Распахнулись на этотъ разъ двери, выбѣжалъ Юсупъ изъ

дворца, а Зулайхо вслѣдъ за нимъ побѣжала, догнала его и ухватила за одежду. Снова шепчетъ она страстныя рѣчи, какъ волны морскія при сильной бурѣ вздымаются ея молодая высокая грудь и блещутъ глаза огнемъ дикой ласки... Но съ силой рванулся Юсупъ, и упала Зулайхо, повредивъ себѣ нѣсколько зубовъ, а Юсупъ бѣжалъ...

Разъяренная бѣгствомъ и упорствомъ Юсупа пошла Зулайхо къ царю и наговорила на Юсупа, что нагло приставалъ онъ къ ней и что защищаясь отъ его низкихъ искательствъ, она упала, сломавъ нѣсколько зубовъ...!

Выслушалъ ее царь и повелѣлъ бросить Юсупа въ темницу.....

„Качь! — одамъ киватты!“ (Убѣгайте, люди идутъ!) вдругъ раздалось со всѣхъ сторонъ и сартянки пронзительно взвизгнувъ, бросились въ разсыпную къ дому... Изъ-далека показались двѣ мужскія фигуры и сейчасъ же скрылись...

Это проклятыя дѣти сосѣда Игамъ-Берды всегда что-нибудь устроятъ! кричитъ гнѣвно хозяйка — знаютъ, что мужа нѣтъ дома. Вотъ ужъ пріѣдетъ мужъ задастъ имъ...

И снова садъ оглашается весельемъ купающихся, а въ аллеяхъ, какъ въ калейдоскопѣ, мелькаютъ быстрыя тѣни молодежи.

Гр. Андреевъ.